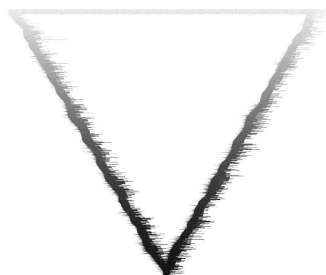

МАГИЧЕСКИЕ **РОМАНЫ**

Глава 1

Еще утром ветер нашептал, что сегодня случится нечто необычное и очень важное для меня. Я выбежала на улицу с влажной тряпкой и маленькой стремянкой, чтобы протереть вывеску перед открытием, как делала каждый день, поленившись сунуть ноги в теплые сапоги.

Приближалась весна. По календарю она началась еще накануне, но улицы пока оставались завалены снегом. Солнце поднималось поздно, по крайней мере, позже, чем люди вроде меня, и ветер, приходящий с востока, со стороны далекой Красной Пустыни, пронизывал холодом, как и любой другой. Но лишь этот ветер время от времени шептал, предсказывая будущее.

Стоило выскочить на улицу, как тело тут же покрылось мурашками, влажная тряпка в руке стала ледяной, а ногой в туфле на низком каблуке я умудрилась задеть сугроб — и снег тут же засыпался внутрь, чулок промок. Тихо выругалась, попеняв себя за лень — вот чего стоило переобуться? — и торопливо влезла на стремянку, чтобы дотянуться до круглой вывески, на которой была изображена чашка с поднимающимся над ней паром. Пар волшебным

образом складывался в зернышко какао, оповещая всех потенциальных клиентов о том, что здесь находится не обычное кафе, а шоколадница.

Вот когда я потянулась вверх, одной рукой держась за вывеску для равновесия, а второй торопливо протирая ее, резкий порыв ветра подхватил расклеванный подол платья, непристойно взметнув его, и послышался тихий шепот. Он обещал, что грядет важное событие, которое навсегда изменит мою жизнь.

Я посмотрела по сторонам, убеждаясь, что это не чья-то злая шутка, что рядом никого нет. На востоке небо уже светлело, уличные фонари гасли, а город просыпался: рыбаки давно ушли в море, дворники и мусорщики заканчивали готовить улицы к новому дню, открывались кафе и лавки, спешили на фабрики рабочие. Скоро в школу побегут дети, откроются конторы дельцов и законников, рыбаки вернуться, и рядом с портом оживет рынок. Но пока улица, на которой находилось наше кафе-шоколадница, оставалась пуста, а рядом со мной никого не было. Лишь лохматый уличный пес с деловым видом обнюхивал сдувающийся под натиском потеплений сугроб и помахивал коротким хвостом.

— Привет, Бардак, — поздоровалась я, спрыгивая со стремянки, чтобы погладить его.

Едва не поскользнулась, нелепо взмахнула руками, но устояла. А потому что нечего прыгать по еще не сошедшему снегу в домашних туфлях.

Бардак поднял голову, пытаюсь разглядеть меня сквозь закрывающую глаза челку, подергал носом и завилял хвостом активнее, признав. Артист! Можно подумать, он случайно шел мимо и забрел ко мне без задней мысли, а не приходит каждое утро клян-

чить вкусняшку. Эта кудрявая лохматая дворняжка дважды в день обходила все лавки и кафе на нашей улице в поисках еды. Ее все знали и подкармливали. Главное — не пускать к себе, потому что в помещениях пес порой как с ума сходил. Бардаком его не случайно прозвали.

В шоколаднице собаке обычно нечем поживиться, но когда бывала такая возможность, то я приберегала для него кости, остающиеся от домашних трапез, или хотя бы хлеб. Однако сегодня был не день Бардака.

— Прости, приятель, — повинулась я, почесывая пса за ушами, — сегодня пропускаю. Сходи к господину Стиллу, у него привоз, может, тебе перепадет что-то.

Бардак облизнулся, попытался вскочить на меня передними лапами, но я увернулась: не хватало идти переодеваться, а потом чистить рабочее платье. Сегодня я надела свое любимое — зеленое, с рукавами три четверти, расклешенной юбкой чуть ниже колена и плотно прилегающим лифом со скромным вырезом. Платье сейчас считалось любимым, потому что было совсем новым и красиво оттеняло доставшиеся мне от матери каре-зеленые глаза.

Пес понял, что, кроме ласки, ему здесь сегодня ничего не светит, а потому, еще раз отершись о мои ноги, побежал к лавке господина Стилла, а я выпрямилась и снова задумчиво посмотрела на восток. Интересно, какие перемены сулил ветер? Хорошие или плохие? По его шепоту никогда не получалось понять наверняка.

— Эй, рыжая, лови!

Я обернулась как раз вовремя, чтобы перехватить летящую в меня свернутую трубкой газету и успеть

погрозить мальчишке, развозившему почту на велосипеде, кулаком. Он только рассмеялся и прибавил хода.

— Я не рыжая, — обиженно пробормотала я, возвращаясь в кафе и переворачивая табличку «Открыто/Закрито» приглашающей стороной наружу.

Я упрямо считала, что цвет моих волос называется «золотистый каштан», но на солнце они действительно отливали рыжиной. Только сегодня солнце еще не встало, небо едва успело начать светлеть. День вообще обещал быть пасмурным. Как бы снова снег не повалил.

В небольшом, теплом и уютном помещении кафе умопомрачительно пахло шоколадными кексами. Я поторопилась вытащить их из духовки и заменить противнем с большим — размером с чайное блюдце — круглым печеньем с орехами и шоколадными каплями. Кексы оставила остужаться, а сама быстро взлетела на второй этаж, где находилась наша квартира, и положила газету на накрытый к завтраку стол. Отец давно был нездоров, часто плохо спал по ночам, а потому поднимался значительно позже, когда я уже принимала первых клиентов. Я оставляла ему завтрак и газету, кофе он варил себе сам.

Положив газету на стол, я успела зацепить взглядом заголовок: «Варнайский Магистрат грозит Нидланду войной». Вздохнула. Варнайский Магистрат всем грозил войной. Ему уже подчинились все территории на востоке вплоть до Красной Пустыни, и теперь его взгляд обратился на запад.

— Так они и до нас доберутся, — пробормотала я, возвращаясь вниз.

На самом деле я не думала, что это произойдет. Оринград — свободный город, окруженный с трех сто-

рон очень сильными, но достаточно дружелюбными соседями. Нам позволяли сохранять независимость и сложившиеся веками традиции, а мы радостно торговали со всеми и давали Сиранской Республике, не имевшей собственного выхода к морю, без платы пользоваться портом. Сираны, в свою очередь, служили нам щитом, в том числе держали в порту военный флот, закрывая собой как с моря, так и с суши.

Мысли о возможности завоевания моментально вылетели у меня из головы, стоило оказаться внизу: первые покупатели уже толпились у витрин, облизываясь на свежую шоколадную выпечку.

День шел своим чередом. Первая волна клиентов — прислуга из богатых домов поблизости. Даже те, что содержали штат поваров, предпочитали к завтраку испеченные мной шоколадные кексы с жидким центром, если только хоть раз попробовали их. Вторая волна — спешащие на работу конторские служащие. Они брали печенье и иногда конфеты, которыми всегда были уставлены витрины шоколадницы. Третьими подтягивались любители прогуляться с утра по набережной, а потом зайти погреться и выпить чашку горячего шоколада. В основном это были немолодые женщины, которым брак обеспечил достойную старость, или редкие пожилые пары, сумевшие сохранить желание общаться и проводить вместе время. Потом наступало относительное затишье, позволявшее мне разогреть отцу обед.

Во второй половине дня моими клиентами становились в основном дети и их сопровождающие: у кого родители, у кого бабушки с дедушками, у кого гувернантки и няни. Ближе к шести вечера, когда заканчивалась последняя волна школьников, я обычно

закрывала кафе, потому что держать его открытым по вечерам не имело смысла. Вечером спроса на шоколад почти не было, разве что в выходные, и то не всегда.

По вечерам в городе пользовались спросом другие заведения. Я радовалась тому, что в свое время родители открыли не обычное кафе с едой и выпивкой. В шоколадницу, где и помещалось-то всего пять крохотных столиков, порой заглядывали дети с папашами, которые были не прочь «облапать» взглядом любую молодую девицу. Но я точно знала, что никто не схватит меня за задницу и не заставит сесть себе на колени, как случалось в других местах. Это меня больше чем устраивало.

Лишь иногда я оставляла шоколадницу открытой чуть ли не до девяти часов. Когда требовалось пополнить запасы шоколадных конфет, например. Свежую выпечку я готовила каждый день, а конфеты — два-три раза в неделю, не чаще. Обычно перед выходными и сразу после них. Иногда, когда торговля внезапно шла очень хорошо, приходилось пополнять запасы посреди недели, чтобы витрины не стояли пустыми.

Порой я задерживалась внизу, оставляя свет включенным, а дверь открытой, потому что не хотела подниматься наверх. Предпочитала протирать столы, мыть полы и наводить порядок на полках здесь, внизу, а не в квартире. По вечерам отец спускался ко мне редко, и я могла работать в своем темпе, а то и просто сидеть, почитывая книгу. Наверху мне посидеть не давали, потому что всегда находилось какое-то дело. Отец не терпел лени, по крайней мере, не терпел он ее во мне. И всегда находил повод для упрека.

Поэтому раз или два в месяц, накрыв ему ужин, я сбегала вниз под предлогом уборки, ревизии или

готовки впрок. Сегодня делать конфеты не требовалось, но предсказание ветра не давало покоя, а за весь день так ничего примечательного и не случилось. Поэтому я не торопилась закрываться, предпочитая наводить порядок в витринах, расставляя нехитрый, но богатый ассортимент более соблазнительно, протирать столы и подготавливать ингредиенты, чтобы утром было проще.

Я ждала. Ждала чего-то важного, одновременно предвкушая и молча ругая себя за глупую доверчивость. В моей жизни за двадцать три года не случилось ничего по-настоящему хорошего. Стоило ли надеяться, что на этот раз будет иначе? Но что-то внутри все равно заставляло ждать чуда, несмотря ни на что. Как я ждала уже восемь долгих лет.

Впервые ветер нашептал мне предсказание, когда не стало мамы.

«Твоя судьба войдет после заката. Холодный огонь и обжигающий лед. Только ты сможешь дать ему то, что он по-настоящему хочет. Он уйдет, но после вернется, чтобы забрать тебя с собой. Навсегда».

Ветер шептал обещание, когда я сидела на резко обрывающемся вниз берегу, смотрела на порт и глотала слезы, зная, что навсегда осталась одна. Тянуло сигануть вниз, разбиться о камни и пойти вслед за мамой — единственной, кто меня любил. Лишь слова ветра удержали меня тогда. Обещание другой любви — так я тогда решила. Восемь лет я ждала исполнения обещания и сегодня, снова услышав шепот ветра, решила, что ожидание почти закончилось. Решила так не в первый раз и, наверное, не в последний.

За окном давно стемнело, а погода окончательно испортилась: не желая смириться с приходом ка-

лендарной весны, зима закрутила метель. Я открыла дверь и выглянула на улицу. Злой ветер кружил мокрый снег, а тот превращался в ледяные капли, царапающие лицо. Улицы были пусты, лавки уже погасили свет, даже большая часть кафе на нашей улице закрылась: хозяева решили, что в такую погоду проще провести вечер с семьей, чем бестолково торчать внизу ради одного или двух случайных клиентов.

— Пора закрываться, Мира, — тихо сказала я себе. — Нечего ждать.

Открыла дверь, чтобы шагнуть обратно внутрь, перевернуть табличку и погасить свет, но в тот момент мимо пронесся грязный, мокрый, лохматый, кудрявый вихрь.

— Бардак! — крикнула я с отчаянием, кидаясь следом.

Пес остановился посреди зала, обернулся, сел и жалостливо посмотрел на меня, тихонько заскулив. В его глазах читалось: «Там холодно, мокро и мерзко, пожалуйста, можно я останусь?» На самом деле глаз я не видела из-за густой челки, но и так понятно, что в них написано.

Это была плохая идея. Оставить его в зале — значит завтра встать на час раньше, чтобы убрать последствия. В кухню тем более пускать нельзя, как и в подсобку. На лестницу? Если он поднимется наверх — мне конец, отец убьет обоих.

Но выгнать живое существо в холодный снежный вечер рука не поднималась.

— Ладно, — вздохнула я, решив, что лестница — самый безопасный вариант.

В конце концов, если отец убьет меня, то некому будет готовить и убирать для него, как и работать

в шоколаднице, которая нас кормит. Значит, есть шанс выжить. Отведя пса на лестницу и показав ему место, я твердо потребовала:

— Сиди здесь, никуда не ходи, иначе придется тебя выгнать.

Бардак лег и положил морду на вытянутые лапы, благодарно виляя хвостом и демонстрируя послушание. Интересно, надолго ли его хватит?

Как раз когда я задалась этим вопросом, в зале тревожно звякнул колокольчик, возвещая о приходе посетителя. Я поторопилась вернуться в помещение кафе, но испуганно застыла на пороге, увидев, что в шоколадницу вошли двое крепких мужчин. Они пока стояли у двери, стряхивая с себя снег, разматывая шарфы и снимая перчатки. Оба были одеты почти одинаково: брюки, свитер и длинное теплое пальто. Только один предпочитал цвета темные, немаркие, а ткани — грубые, дешевые. На другом были светло-коричневое пальто, какое можно носить, только если кто-то его тебе регулярно чистит, и свитер из дорогой тонкой шерсти цвета обожженной глины.

Чужаки. Это я видела и по лицам, и по одежде. И по тому, с каким любопытством они озирались по сторонам, хотя в городе мою шоколадницу — без ложной скромности — знают все.

На самом деле заметное любопытство проявлял только один из них. Тот, что шел первым и был одет лучше. Молодой, ему едва ли исполнилось тридцать, пепельноволосый красавец с серыми глазами и какой-то детской улыбкой не скрывал интереса и удивления. Он выглядел умным, образованным и состоятельным. Скорее всего, делец, заехавший в Оринград, чтобы найти новых поставщиков или, наоборот,

пристроить свой товар. Такие порой захаживали ко мне по ошибке или из любопытства. Обычно они не доставляли неприятностей: вели себя сдержанно, поскольку ситуацию в городе не знали и не хотели нарваться на проблемы с законом или случайно обидеть кого-то, кто мог повлиять на их дела.

А вот второй мужчина — брюнет — внушал страх. Я не смогла бы точно сказать, чем именно. Оба гостя могли похвастаться и внушительным ростом, и широкими плечами. Мощный торс, сильные руки, достаточно узкие бедра и длинные ноги. Воплощение мужской силы и красоты. Но пепельноволосый казался просто крепким, а его спутник — опасным. Угроза чудилась в цепком и пронизательном взгляде темных почти до черноты глаз, в недовольной складке между бровями, в плотно сжатых губах, в резко прочерченных носогубных складках, в серебрящихся сединой висках, хотя мужчина едва ли был намного старше пепельноволосого. В чертах его лица виделось что-то грубое, варварское. Я легко могла представить, как он бьет женщину дубинкой по голове и утаскивает в логово.

Но если незнакомец и был варварских кровей, то только наполовину, потому что благородные черты тоже просматривались. Вырос определенно в цивилизации, скорее всего, получил нормальное образование, возможно, военное. И хотя одет он был проще, скромнее, в нем чувствовалась уверенность в себе.

«Охранник», — решила я и окончательно успокоилась.

Охранник, каким бы страшным он ни казался, подчиняется хозяину, а хозяйина я уже не сочла опасным.

Испуг как раз окончательно прошел, когда первый мужчина заметил меня и широко улыбнулся в знак приветствия.

— Добрый вечер, хозяйка. Еще не закрываешь? Найдется немного тепла и еды для двух заблудившихся путников?

Его голос звучал весьма приятно, говор тоже выдавал в нем чужака. Я улыбнулась красавцу в ответ и махнула рукой, предлагая гостям садиться на любое место.

— У меня правило: если дверь открыта, то гнать вошедших в нее нельзя. Что могу предложить вам, господа?

Пока я шла к прилавку, хмурый охранник обернулся, подбирая взглядом подходящее место за крохотными для них обоих столиками. Его хозяин тем временем успел сделать выбор первым: ему приглянулся один из трех высоких стульев, стоящих прямо у прилавка. Редко кто занимал их. Сюда садились только знакомые или те, кто собирался быстро выпить чашку горячего шоколада, пока у меня допеклась порция свежих завитков из слоеного теста с шоколадной начинкой. Чаще всего здесь сидела мамина подруга — госпожа Кроули. Она навещала меня каждый день, перед тем как открыть свое кафе — как раз одно из тех, куда вечером мужчины приходили выпить, поговорить и потискать подавальщиц.

— Нам бы горячего кофе и какой-нибудь сэндвич с мясом, — пожелал пепельноволосый, продолжая улыбаться.

Его взгляд недвусмысленно намекал, что ему нравится и просто смотреть на меня, но мужчина казался действительно голодным.

Охранник, заметив, что хозяин уже выбрал место, недовольно поморщился, но безропотно сел на высокий стул рядом. Ну как сел? Присел, опираясь локтем на тянущийся вдоль прилавка козырек и касаясь одной ногой пола, словно готовился в любой момент вскочить и побежать.

— Мне очень жаль, но у нас нет кофе и сэндвичей, — с искренним сожалением улынулась я.

И слегка поежилась, потому что слова привлекли внимание охранника, и тот одарил меня пронзительным и тяжелым взглядом. Словно насквозь просветил.

— Это кафе-шоколадница. Есть горячий шоколад, шоколадные конфеты и осталось немного шоколадного печенья с орехами.

Брови дельца удивленно взлетели вверх, а его охранник презрительно фыркнул.

— Я говорил, надо искать другое место.

У него был низкий, сильный, властный голос. Незнакомец лишь тихо обронил короткую фразу, а у меня мгновенно вспотели руки и внутри все перевернулось. Нет, такому не нужно бить женщину по голове. Достаточно посмотреть в глаза и скомандовать: «За мной». Каждая вторая пойдет, даже в Оринграде. Каждая другая просто не сможет пойти, потому что умрет на месте от страха.

— Но больше ничего не работает, — даже хозяин говорил с ним так, словно оправдывался. — Да и как можно уйти от таких глаз? Придется есть шоколад.

Он снова игриво улыбнулся мне, и я против воли смущенно заправила волосы за ухо, на мгновение потупив взгляд. А когда снова подняла его, заметила, как охранник раздраженно покачал головой. Весь его

вид говорил: «Какие, к варгам, глаза? Нет у нее никаких глаз».

— Какой шоколад изволите?

Я кивнула на доску за спиной, исписанную названиями. Их там было двадцать штук, и каждое мало что говорило тому, кто видит его в первый раз. Вот и делец пробежал список растерянным взглядом и честно заявил:

— Я... не знаю.

— Вам погуще или более жидкий, послаще или более терпкий?

— Погуще и более терпкий, — тут же радостно определился делец.

Я кивнула и заставила себя посмотреть на охранника.

— А вам?

Тот снова поднял на меня взгляд. Все такой же темный, пронизывающий, пробирающий холодом до костей, как влажный ветер с моря зимой. Его взгляд залезал в голову, отзываясь шумом в ушах, но сам ничего не выражал. словно зеркало, но только не души своего владельца, а просто зеркало, в котором отражаешься ты сам и не можешь разглядеть, что за ним. Поэтому я скорее почувствовала, чем увидела, что за ним есть нечто... Просто *нечто*, чему нет названия.

— Мне ничего не нужно.

— Ясно, — кивнула я еще раз, поворачиваясь к гостям спиной и включая горелку.

Все время, пока готовила, чувствовала спиной взгляд. Кожа почти горела, даже под одеждой и на прикрытом длинными волосами затылке. Я была уверена, что меня пожирает и раздевает взглядом делец, но когда повернулась, чтобы поставить перед ним

высокую чашку, то обнаружила, что он с интересом изучает витрину с конфетами.

Зато охранник смотрел на меня очень внимательно. Еще один долгий молчаливый контакт глаза в глаза, от которого теперь уже кинуло в жар, а не в холод, и он медленно отвернулся. Я тяжело сглотнула и заставила себя спросить, переключаясь на тарелку несколько оставшихся печений:

— Уверены, что ничего не хотите? На улице холодно, вам тоже не помешает согреться.

— Я не люблю сладкое.

И снова низкий, очищенный от эмоций голос, от которого внутри все подпрыгивает, падает вниз как попало и даже немного дрожит. Да что со мной такое сегодня?

— А это, между прочим, совсем не сладкое, — заметил делец. — Даже не знал, что горячий шоколад таким бывает.

Охранник недовольно посмотрел на него, стиснул челюсти, но промолчал. Я впервые усомнилась, что правильно определила характер отношений между ними: очень уж непочтительно вел себя нанятый в телохранители варвар-полукровка.

Заметив реакцию спутника, делец легко пожал плечами и потянулся одной рукой к печению, а другой — к забытой кем-то на краю козырька газете. Пока он пробегал глазами текст, я решительно шагнула обратно к горелке и снова принялась готовить по велеанию внезапного вдохновения.

«Не любишь сладкое, значит? — подумалось мне. — Ладно, удивлю тебя».

И откуда только взялись смелость, дерзость и уверенность в том, что это надо сделать? Стали ли при-

чиной тому нашептывания ветра сегодня и восемь лет назад? Не знаю. Мужчина в черном пальто из грубой ткани внушал страх, а не любовный трепет, но отчего-то захотелось заставить его улыбнуться, согреть теплом напитка и растопить обжигающий лед во взгляде.

По старой привычке, подцепленной у мамы еще в детстве, я едва слышно — не громче обычного дыхания — озвучила пожелание, помешивая в ковшике на этот раз более густой напиток. В Оринграде считалось неприличным женщине высказывать свои желания вслух, особенно если ее никто не спрашивал. Но мама всегда повторяла: «Пусть нам нельзя говорить о том, чего мы хотим, никто не может запретить нам шептать».

— Что это? — недовольно спросил охранник, когда я поставила чашку шоколада и перед ним.

Это был необычный рецепт, родившийся только сейчас, на ходу, в меню его не значилось. Но мне почему-то казалось, что именно такой шоколад — густой, терпкий и острый из-за добавления огненного перца — должен ему понравиться.

— Это для вас.

— Я сказал, что мне ничего не нужно.

— А вы попробуйте, — предложила я, обезоруживающе улыбаясь. — Если не понравится, можете не платить.

И снова долгий, ничего не выражающий, но разбирающий на части взгляд. Разбирающий, но не раздевающий, как у дельца. У того на лице вдруг расплылась плутоватая улыбка. Он разломил большое печенье на две почти равные части, наблюдая, как охранник осторожно понюхал содержимое чашки

и все-таки сделал осторожный глоток. А потом еще один. На лице не отразилось неудовольствия, поэтому спутник протянул ему половинку печенья, заметив:

— Это тоже вкусно, кстати. А что, красавица, у вас говорят: будет в Ниланде война?

Вопрос был адресован уже мне, пришлось перевести взгляд на дельца, хотя было гораздо интереснее узнать реакцию охранника на печенье. Впрочем, на его лице все равно не отражалось никаких эмоций. Он лишь со скучающим видом покосился на спутника. В глазах читалась одна-единственная мысль: «Нашел, о чем поговорить с девушкой».

Или стоило это читать как: «Нашел, с кем поговорить о политической ситуации в мире». Почему-то второй вариант показался обидным. В противном случае я бы только пожалала плечами, а тут не удержалась:

— У нас по-разному говорят. Магистрат уже давно агрессивно присоединяет к себе чужие территории, но Ниланд ему не проглотить. Впрочем, подчинить его они могут, а значит, попытаются. Все зависит от правителя Ниланда: найдет ли он дипломатический способ решения проблемы или попытается отстоять свою страну силой.

Обе челюсти, до этого старательно пережевывающие уже подсохшее к вечеру печенье, сначала замедлили движение, а потом и вовсе остановились. Мужчины переглянулись. Конечно, хорошенькой — а я предпочитала считать себя хорошенькой — девице, варящей шоколад и пекущей печенье, как-то странно вникать в политические процессы соседних государств.

— И как ты думаешь, есть ли у Ниланда шансы отстоять себя силой? — поинтересовался делец, закончив обмениваться выразительными взглядами с охранником.

— А вы оттуда? — на всякий случай уточнила я.

— Нет, — прозвучал быстрый ответ, — мы туда.

Я понимающе кивнула и снова пожала плечами.

— Ниланд силен, у него большая армия и храбрые воины. А еще хорошие отношения с Сиранской Республикой. Если Сиран и Ниланд объединятся, Магистрат, вероятнее всего, обломает о них зубы. Но у Магистрата есть маги и генерал Шелтер. Говорят, ему сам Варег ворожит. Он подчинил Айшенар, наверное, способен справиться и здесь. Если Магистрат пошлет его...

Я не договорила, потому что точно не знала, как продолжить, лишь многозначительно замолчала, округлив глаза. Мужчины снова удивленно переглянулись, и я с трудом сдержала улыбку. Делец потянулся за новым печеньем, а охранник, нахмурившись еще сильнее, сделал большой глоток шоколада.

— Шелтер? — переспросил делец равнодушно. — Это тот, которого прозвали Кровавым? Злобный ублюдок, безжалостный и беспощадный, словно демон?

Охранник едва не поперхнулся. Или кашлянул, намекая хозяину, что слова вроде «ублюдок» в приличном обществе не приняты, особенно в присутствии дам. Меня оно, впрочем, совершенно не смутило. В плохие дни отец сыпал и более грубыми словечками.

— Не знаю, был ли отец генерала Шелтера женат на его матери, — спокойно отозвалась я. — И был ли кто-то из них прислужником Вареге, но, как я слы-

шала, его действительно прозвали Кровавым. Полагаю, за его... поведение на завоеванных территориях.

— Интересуешься политикой? — неожиданно спросил охранник.

Я лишь пожала плечами и улыбнулась, давая ему возможность самому додумать ответ. Разочаровывать его не хотелось, врать — тоже, а на самом деле политикой я не интересовалась, газеты не читала, только заголовки иногда цепляла взглядом, когда относилась свежий выпуск отцу. Зато политикой живо интересовались пожилые мужчины и даже женщины, проходящие в кафе в первой половине дня. Сегодня за чашкой шоколада пересеклись две пары, которые живо, бурно и громко обсуждали как раз тему возможной войны. А я никогда не жаловалась на память: все, о чем они говорили, запомнилось мне дословно.

Не дождавшись ответа, охранник снова отвел взгляд и поднес к губам чашку. Его хозяин отложил газету и принялся уточнять, как им отсюда добраться до южных ворот города.

— Из-за метели мы сбились с пути, — объяснил он. — А нас там должен ждать экипаж.

Я объяснила, как добраться до южных ворот, про себя подивившись, как можно настолько сбиться с пути, чтобы оказаться почти в противоположной части города. И заодно: зачем им южные ворота, если они собираются в Ниланд? Но спрашивать ничего не стала, не мое это дело.

Делец кивнул, заверив, что все понял. Часы на стене пробили девять, и охранник выразительно посмотрел на хозяина, а тот с сожалением улыбнулся.

— Увы, нам пора, красавица. Было неожиданно, но вкусно. Я согрелся. Сколько с меня?

— Четыре за шоколад, а печенье будем считать угощением.

Он положил на прилавок мятую пятерку.

— Сдачу оставь себе. Спасибо за помощь.

Делец встал и принялся наматывать длинный тонкий шарф на шею, его охранник тоже поднялся, застегивая пуговицы пальто, но платить, очевидно, не планировал. Я вопросительно приподняла брови, глядя на него.

— Что? — спокойно поинтересовался он, сверля меня взглядом и натягивая перчатки. — Ты сказала, могу не платить, если не понравится. Мне не понравилось.

Я недоверчиво прищурилась, выразительно посмотрев на пустую чашку. Не понравилось, да? А что ж тогда выпил все?

— Слишком пресно, — спокойно пояснил мужчина, повернулся и пошел к выходу.

Пресно? С таким количеством огненного айшанского перца?

— Он просто вредничает, — заговорщицким шепотом заявил делец, возвращаясь к прилавку и кладя на него еще одну пятерку. — Доброй ночи, красавица.

— Счастливого вам добратья до Ниланда, — пожелала я, глядя, впрочем, не на дельца, а на его охранника, в нетерпении застывшего у двери.

Почему-то хотелось увидеть его глаза еще раз.

«Если он обернется, — загадала я, сама не понимая, зачем мне это, — значит, обещание ветра было все-таки о нем. Однажды он вернется и заберет меня отсюда...»

Я еще не успела сформулировать мысль до конца, а за гостями уже захлопнулась дверь. Мужчина так и не обернулся.

Зато в ноги мне ткнулся мокрый нос, и снизу донеслось решительное «Гав!». Я улыбнулась, чувствуя непонятно откуда взявшуюся горечь во рту. Та всегда появлялась, стоило понять, что все мечты — лишь глупые фантазии, которые никогда не сбудутся. Эта шоколадница и город — моя единственная судьба. Никто не придет и не заберет меня отсюда.

Я присела на корточки и погладила лохматую макушку.

— Вот так, Бардак, и нечего слушать всякий шепот. Правда? Спать пора, а то завтра не встану.

Перевернув табличку на двери, я заперла замок, произвольно вглядываясь в темноту и метель за окном. Но гостей уже и след простыл.

Глава 2

Чужаки вспоминались мне еще с неделю, но постепенно их образы стерлись из памяти и выветрились из головы. Я продолжала бежать по привычному кругу: встать пораньше, чтобы выпечь свежие кексы, слоеные завитки и печенье, подготовить кафе к открытию, обслужить всех гостей, успевая подать отцу завтрак, обед и ужин, сделать новые конфеты на продажу, убраться в квартире, перемыть всю посуду...

Когда снег окончательно сошел, на улице потеплело и темнеть стало позже, у меня появилось больше возможностей ходить куда-то после работы. Обычно я заглядывала в гости к госпоже Кроули, потому что собственных подруг за последние годы растеряла: они все вышли замуж, родили детей, некоторые из которых уже успели пойти в школу. В свои двадцать три в Оринграде я стремительно превращалась в старую деву, «переспелую ягоду», на которую еще год-два — и никто уже не посмотрит.

Я понимала опасность своего положения. В Оринграде женщина считается добропорядочной и пользуется уважением и поддержкой окружающих только в трех случаях: если она хорошая дочь, если она честная жена и мать или если она вдова, прошедшая

первые два жизненных этапа. Вот госпожа Кроули считается добропорядочной вдовой с тремя честно нажитыми в браке детьми. Дело свое она унаследовала от мужа, занимается им, чтобы кормить детей, и должна передать старшему сыну, как только он станет совершеннолетним.

Пока я еще могла прикрываться ролью хорошей дочери, ухаживающей за больным отцом, но многие уже смотрели на меня косо, хотя в лицо никто худого не говорил. Но то, что ладная здоровая девушка, к которой регулярно сватаются, не выходит замуж, выглядело подозрительно. Особенно на фоне того, что время шло и сватались ко мне все меньше. Некоторые уже шептались за моей спиной, мол, честь наверняка не сберегла и боится теперь идти замуж. Ведь кто возьмет в жены порченную? А обманешь, так муж будет иметь полное моральное — и законное — право так поколотить после брачной ночи, что уже и не встанешь. Если только сознательно не решит грех жены прикрыть, а такого еще поискать надо. Да что-то предложить ему взамен.

Мне было нечего стыдиться и нечего скрывать. Просто женихи не нравились. Не стучало рядом с ними сердце, не сбивалось дыхание, не тянуло прильнуть или поцеловать. Жизнь с отцом была не сахар, но он, по крайней мере, — родной человек, а не чужой мужчина, которого придется терпеть не только за одним столом, но и в одной постели. Потому я и не торопилась замуж, работала, втайне мечтала уехать из Оринграда и прислушивалась к шепоту ветра. Ждала обещанную судьбу, но с каждым годом все отчетливее понимала, что ветер обманул. Или

я что-то не так поняла. Да только переломить себя и отказаться от мечты пока никак не могла.

В тот день я проспала: накануне долго не могла уснуть. По какой-то причине вспомнился снежный вечер в начале весны. Перед глазами вставали лица гостей, в ушах звучал тихий властный голос. По спине бежали мурашки, и внутри снова все переворачивалось, стоило вспомнить хмурый взгляд почти черных глаз. Все это долго не давало провалиться в сон, поэтому утром я, против обыкновения, встала почти на час позже. Что могло стать настоящей катастрофой, поэтому все утро пришлось бегать по привычному кругу вдвое быстрее, ничего не замечая вокруг.

Лишь через час после открытия, когда мне наконец удалось перевести дыхание, стало понятно, что что-то не так. Отсутствие обычного ажиотажа в первую волну я приняла как маленький подарок Великого Тмара: небольшое послабление, чтобы хватило сил дожить до вечера. Малое количество клиентов обычной второй волны уже показалось странным, а полное отсутствие третьей заставило насторожиться.

Я вышла из кафе, чтобы взглянуть на набережную. Та непривычно пустовала, хотя на небе ярко светило солнце, легкий бриз шелестел свежей листвой, и все говорило, нет, практически кричало: «Сегодня прекрасный день для прогулки и чашки горячего шоколада!» Однако людей почти не было.

Пустовала и обычно оживленная улица, на которой находилась шоколадница. Только Бардак, заведя меня — или, вероятнее, учуяв, — с радостным лаем бросился под ноги, виляя хвостом.

— Маленький попрошайка, — притворно проворчала я, пытаюсь одновременно погладить его и не дать

поставить на себя грязные лапы. Зеленое платье было уже не таким новым, но пока оставалось любимым.

— Мира!

Я обернулась на зов: ко мне спешила госпожа Кроули, тревожно кутаясь в легкий плащ, хотя погода уже позволяла ходить и без верхней одежды. Только когда мамина подруга подошла ближе, я поняла, что плащ она накинула чуть ли не поверх ночной сорочки или просто легкого домашнего платья. Ее заведение открывалось во второй половине дня и работало до ночи, поэтому Анна Кроули вставала гораздо позже меня.

Еще ни разу в жизни я не видела ее в таком растрепанном виде: без макияжа, с наспех собранными в пучок волосами и в непонятной одежде. Не говоря ни слова, госпожа Кроули почти втолкнула меня обратно в шоколадницу, отодвинув ногой обиженно залаявшего Бардака, чтобы закрыть за нами дверь.

— Отец дома? — спросила она, тяжело дыша.

— Нет, — я растерянно покачала головой. — Он ушел к Стоуну.

Стоун — наш основной поставщик. Мы покупаем через него все, кроме какао, его привозит специализирующийся на подобном заморском товаре Арчер Вранак. Но с Вранакон у нас долгосрочный контракт, какао в виде порошка, масла и бобов, а заодно шоколадные «монеты» мы покупаем с запасом на случай проблем с поставками. А к Стоуну отец ходит со списком, который я составляю, раз в неделю-две. Вот и сегодня пошел, чтобы сделать заказ, оплатить его и договориться о доставке. Такие дела отец предпочитал оставлять за собой.

— Да и пекло с ним, старым хрычком, Варег его заberi, — раздосадованно махнула рукой госпожа Кроули. — А ты закрывай лавочку, опусти занавески, запри как следует дверь и не высовывайся из дома хотя бы несколько дней.

От ее слов — а еще больше от тона — у меня похолодело внутри, сердце забилось быстро и неровно.

— Анна, что случилось?

С тех пор как мама умерла, госпожа Кроули попросила называть ее по имени, потому что была старше меня всего на девять лет. И, вероятно, с тех пор считала себя просто моей подругой, но я продолжала воспринимать ее как подругу матери.

— Сиран ночью подписал капитуляцию, — мрачно объяснила госпожа Кроули, кусая губы. — Ты разве не видела? Это во всех утренних газетах! Варнайский Магистрат уже наводит там свои порядки.

Я едва не задохнулась то ли от удивления, то ли от страха. Скорее от второго, потому что удивляться было нечему: Сиранская Республика уже два месяца сражалась с Магистратом, который ни с того ни с сего объявил войну им, а не Ниланду. Армия генерала Шелтера уверенно шла к ее столице. Об этом постоянно писали и говорили, но сегодня утром у меня не было времени заглянуть в газету, а отец никогда не обсуждал со мной политику и, видимо, не посчитал нужным предупредить о случившемся.

— Думаешь, теперь они пойдут к нам? — испуганно и жалобно пискнула я.

— Думаю, они уже идут, — горько вздохнула госпожа Кроули. — Им нужен выход к морю. Только ради этого они и лезли сначала в Ниланд, а в итоге подчинили Сиран. Чтобы добраться до нас и занять

порт. Великий Магистр варнайцев наверняка понимает, что мы сражаться не будем. Нам просто нечем и некем. Да и если они сломили Сиран... — Она снова вздохнула, не договорив. Но этого и не требовалось.

— Значит, военных действий у нас не будет? — уточнила я.

Госпожа Кроули покачала головой:

— Нет, они придут сюда уже как хозяева. Вероятнее всего, поставят своих людей во главе города, наведут новые порядки и уйдут, оставив какое-то количество солдат. Дальше будем жить как жили, только уже по законам Магистрата.

— Тогда, может быть, все не так страшно?

Госпожа Кроули смерила меня сочувственным взглядом, который как бы говорил: какая же ты бесполовая.

— Страшно будет только молодой девице попасться на глаза солдатне, которая месяцами в походах женщин не видит, — жестко припечатала она. — Закона над ними никакого не будет, завоеванные территории всегда в полном распоряжении захватчиков. Поняла?

Я судорожно закивала, с трудом сглатывая. Что ж тут не понять-то? О том, что творит армия Магистрата на подчиненных территориях, ходят легенды. Жуткие и тошнотворные.

— Поэтому закрывай кафе, запирайся, зашторивай все окна и сиди тихо, как будто тебя здесь нет, — велела госпожа Кроули.

Она крепко обняла меня, очертила указательным пальцем на лбу защитный круг и поцеловала в то же место.

— Береги себя.

Выглянув за дверь, она убедилась, что на улице все по-прежнему спокойно, и торопливо вышла. То ли отправилась предупреждать еще кого-то, то ли к себе — баррикадироваться.

Когда госпожа Кроули выбегала из шоколадницы, Бардак умудрился просочиться внутрь и теперь сел посреди зала, деловито виляя хвостом и глядя на меня из-под густой челки. Я решила не выгонять пса, с ним было как-то спокойнее. А отец все равно будет ругаться за закрытое кафе. Собакой больше, собакой меньше...

Я сделала все, как велела Анна Кроули: опустила шторы, заперла дверь, сама забралась на второй этаж, закрылась в своей комнате вместе с Бардаком и села у окна — караулить возвращение отца. Из окна как раз был виден вход, поэтому я не могла пропустить его появление. Но отец все не возвращался. Возможно, зацепился языком со Стоуном или встретил приятелей, с которыми решил обсудить события в Сиране за кружкой эля.

Людей на улицах почти не было видно. Лишь иногда появлялись какие-то компании или отдельные, особо смелые горожане. Бардак вел себя на удивление спокойно: сидел на полу у моих ног и тихонько скулил, словно предчувствовал беду.

Военные в черной форме появились в городе ближе к обеденному времени. Они или шли отрядами человек по двадцать, или разъезжали в странных повозках без лошадей (должно быть, ими двигала магия). Маги с ними тоже были, их я узнавала по характерным одеждам, больше похожим на платья, чем на нормальные мужские одеяния. В отличие от солдат, все они как один носили длинные волосы.